

АНТОН КАРА

Хранитель

ПОЭМА

Антон Кара

Хранитель

Поэма «Хранитель»: герой — поэт, который рассказывает историю своей жизни и ее крутых поворотах уже после своей смерти. Это роман в стихах, который автор описывает строками: «Представь письмо души поэта, пришедшее тебе извне...»

Возрастное ограничение: 16+

© А. Кара

*Инне.
Которой я читал мои первые стихи.*

1

Приветствую тебя, читатель.
За непочтенье не сочти,
Что, словно близкий твой приятель,
Позволил я себе вести
С начальной строчки обращенье
К тебе на «ты». Ведь я посмел
Принять подобное решенье
По той причине, что хотел
С тобою сразу подружиться,
Чтоб ближе был мне образ твой,
Чтоб откровенней поделиться
Своим рассказом мог с тобой.

2

И я надеюсь, ты, читатель,
К моим стихам не будешь строг,
Ведь как поэт и как писатель
Я быть талантливей не мог
Тех, чьи творения хранятся
На книжных полках у тебя.
Всю жизнь пытался я равняться
На разных гениев, но я,
Как заключил мой друг, бездарен,
Достойных не создал стихов.
Ему за это благодарен —
И попытаться вновь готов.

3

Я не представился. Виновен.
 (Не в этом лишь вина моя.)
 Меня зовут Роман Коровин.
 Вернее, звали, так как я
 Расстался с жизнью... Да, читатель,
 Я умер и обрел покой.
 Теперь я вечный обитатель
 Иного мира. За чертой.
 Ты спросишь, как возможно это —
 Писать поэму в вечном сне.
 Представь письмо души поэта,
 Пришедшее тебе извне.

4

Итак, мой друг, начну сначала:
 Мне было восемнадцать лет,
 Я написал стихов немало
 И полагал, что я — поэт.
 Я так хотел быть всем известен,
 Чтоб каждый дом меня читал.
 Решил, что буду крайне честен
 В своих стихах... а сам лишь врал:
 Писал о том, чего в те годы
 Не понимал, не пережил,
 Я лил в тетрадь мотив свободы
 И мир, который не открыл.

5

Я рос в семье с отцом и братом,
 А матери своей не знал.
 Всегда считал я виноватым
 Себя за то, что жизнь забрал
 У ней своим рождением жадным.
 Считали так же брат с отцом.
 Мой первый день стал беспощадным
 Для давшей мне его с трудом.
 О ней мне ведали ревниво,
 Но главное, со слов отца,
 Она меня нетерпеливо
 Ждала, любила до конца.

6

Отец мой — Михаил Коровин —
 Был смел, умен, мог убеждать,
 Трудолюбив и хладнокровен,
 И нас такими воспитать
 Старался он. Отец родился
 В семье сапожника, в селе,
 Где зарабатывать учился
 Он на отцовском ремесле.
 Приехал в город. Через годы
 Он стал владельцем обувной
 Крупнейшей фабрики. И моды
 Европы привозил домой.

7

Мой брат — Коровин Анатолий —
 Семьи проблемы понимал
 И в двадцать лет отцовской волей
 В фабричные дела вникал.
 Организацию, нюансы
 Работы быстро изучил,
 С умом подсчитывал финансы.
 Лишь тем отцу не угодил,
 Что плохо чувствовал дух моды,
 Каких ждать вкусов впереди,
 Но честно дал работе годы.
 Да, рифма та же, не суди.

8

И я в том возрасте влюбился...
 О ней лишь мыслью умилен.
 Ход рассуждений изменился.
 Душа кипит. Поэт влюблен.
 Анастасия — имя это
 Подобно песне райских слез.
 С ним сердце юного поэта
 Пылало в океане грез.
 Стихов куплеты с чувством страстным
 Писал на стенах я тайком.
 Все для нее. И в толк несчастным,
 Кто с этим чудом не знаком.

9

Она заметила. Дивилась.
 И я признался в чувствах ей.
 Лишь через месяц согласилась...
 И сердце вспыхнуло сильней.
 «Люблю» — исписывал блокноты,
 «Сон», «счастье», «страсть» — вплетал слова.
 Теперь, Любовь, я знаю, кто ты,
 Ты — Бог, касанье божества.
 «Из-за тебя мне плохо спится,
 А если сплю, мне снишься ты».
 ...И каждый миг могли полниться
 Стихами яркими листы.

10

«Я буду пламенем под кожей
 И солнцем буду для тебя.
 Ты — мир на мир и непохожий,
 И выходящий за края».
 «Целую смело и несмело
 Тебя как летние дожди.
 Ты жарким ливнем гладишь тело
 И засыпаешь на груди».
 «Ты — муза, я — твой дыхатель.
 Любовь переживет года.
 Мы навсегда...» Но нет, читатель...
 Она была не навсегда.

11

Слова «Ты больше мне не нужен»
 Отняли воздух... звуки... свет...
 Окончен сон — и я разбужен.
 Раздавлен и разбит поэт.
 Я жег стихи о ней, рыдая,
 И вновь писал: теперь о том,
 Как кровоточит, умирая,
 Моя любовь. Я был рабом
 Печальных мыслей и томлений,
 И память стала мне больна.
 Под толщей горестных мучений
 Моя душа достигла дна.

12

Я на себя безмерно злился,
Что стал заложником своих
Метаний... Но освободился
Я, сочинив мой Главный стих.
«Когда умрут мои надежды,
И потемнеет все вокруг,
Я распахну бесстрашно вежды
И разорву печальный круг
Несчастий и дурных волнений.
И страхи резко замолчат.
Убью в себе без сожалений
Того, кто в этом виноват.

13

И ничего не ожидая
Ни от кого и никогда,
Я буду добираться края
Моих желаний без стыда.
Я вспомню все провалы, беды,
Чтоб лучше стать — их сберегу,
Но вспомню и мои победы —
И буду знать, что я смогу».
...Вот так, мой друг, я ожил снова,
Но сердца не было в груди,
И жить без чувств себе дал слово,
Любовь оставив позади.

14

Я изучил до основанья
По психологии труды,
По женщинам пошли скитанья
Мои: от мыши до звезды.
Их обволакивал стихами
И нежно, трепетно ласкал.
Был рядом днями и ночами —
И на недели пропадал.
То отдалял, то приближался,
То радость подавал, то боль,
И тем любви их добивался.
Я крепко вжил в эту роль.

15

Мое беспечное стремленье
 Всех женщин соблазнить вокруг
 И черпать в этом вдохновенье
 Не разделял мой лучший друг.
 Он говорил, «любовь мужчины
 Должна Одной принадлежать».
 Да он не знал и половины
 Того, что следовало б знать!
 Что есть в любви и беспокойство,
 И боль, крах веры, и печаль.
 Есть у любви дурное свойство —
 Она проходит. — Вот мораль.

16

Настал момент — на этой теме
 Начну о друге говорить,
 Ведь роль его в моей поэме
 Никак не переоценить.
 Вадим — умен, но крайне робок,
 В беседах с дамами труслив
 (Не обойтись мне здесь без скобок:
 Он был довольно некрасив),
 И не давалось это дело.
 Поэтому избыток сил
 Учебе отдавал всецело,
 А страсти в книгах находил.

17

Шло время: женщины менялись,
 Во мне не утихал поэт,
 И дни мои уподоблялись
 Каникулам...

Прошло пять лет.
 Однажды брат мой, о котором
 В седьмом куплете я писал,
 Им заключенным договором
 Убытки фабрике снискал,
 Из-за чего конфликт случился
 Меж ним и злившимся отцом,
 И Анатолий оскорбился —
 Покинул фабрику и дом.

18

Теперь фабричные проблемы
Отец со мною стал делить.
Но я хотел писать поэмы,
А не ботинки мастерить,
Но все же, хоть и без желанья,
Я помогал ему, как мог,
Вести дела. Мои старанья
Он замечал и был нестрог.
Мои стихи печатать стали
В журналах местных небольших,
И сотни глаз теперь читали
Плоды бурлящих дум моих.

19

Я часто виделся с Вадимом —
И первому стихи вручал,
И в ожидании томимом
Его вердикта пребывал,
Ведь он начитан был — и мнение
Его я искренне ценил,
Но никогда — на удивленье! —
Мои стихи он не хвалил.
Среди его оценок строгих
«Неплохо» — было похвалой!
Из-за него творений многих
Не прочитал никто другой.

20

Мы всем делились в разговорах.
Он ведал мне, что знал из книг.
И редко — чтобы в наших спорах
Кто-либо истину постиг.
Ему я хвастался хождением
По дамам (где-то привирал),
Меня он слушал с наслаждением,
Как будто я ему давал
Частичку жизни необычной.
Он продолжал быть нелюдим.
В той одинокости привычной
Вполне спокойно жил Вадим.

21

Я вот к чему веду, читатель:
 Случилось так, что этот друг —
 Ненужных знаний собиратель,
 На книги тративший досуг! —
 Мне объявил, что появился
 В его унылой жизни свет,
 Что наконец-то он влюбился,
 И срочно нужен мой совет,
 Как получить ее вниманье!
 Расположенье! Всю ее!
 Закончилось его исканье!..
 (Но не закончилось мое.)

22

Хоть и бранил он их нещадно,
 Клеймил, что бедственно плохи,
 Злословил, что звучат нескладно,
 Я предложил свои стихи —
 Чтоб сердце дамы раззадорить,
 Заставив пылко трепетать.
 Вадим не стал со мною спорить
 И требовал начать писать.
 Похоже, он, талант поэта
 Во мне не видя, возлагал
 Надежды вовсе не на это, —
 Стратегий опытных он ждал.

23

Сближаясь медленно, но верно,
 Мои стихи читал он ей —
 Сначала милые чрезмерно,
 Затем пошли слова нежней.
 И оправдались ожидания:
 «Она в восторге!» — говорил
 Он после каждого свиданья
 И вновь писать меня просил.
 Но вскоре я сказал, что сложно
 Мне строки сочинять для той,
 О ком я знаю так ничтожно,
 И стих не красен полнотой.

24

Тогда Вадим решил скорее
 Нас познакомить, рассудив,
 Что станет он и сам смелее
 При мне и будет говорлив.
 И после подготовки длинной
 Я в ресторан был приглашен.
 О ней лишь знал, что звали Инной
 И что в нее мой друг влюблен,
 А увлечение моими
 Стихами было лестно мне.
 И я пошел на встречу с ними.
 ...Я помню все об этом дне.

25

О боже, как она красива!
 Как рот кокетливо кривит!
 Глаза как яркие! Как игриво
 Скользящий взгляд меня пьянит,
 Вторгаясь в глубь души опасно!
 Как кожа гладкая светла!
 И шейка нежная прекрасна!
 Как руки, полные тепла,
 Играют кротко волосами!
 А грудь! А ножки!.. Что сказать! —
 Мне трудно глупыми стихами,
 Мой друг, богиню описать.

26

Вадим немедля нас представил,
 Едва волнение он скрывал.
 Не нарушая древних правил,
 Я кисть ее поцеловал.
 И мы пустились в разговоры —
 И обо всем, и ни о чем,
 А я ловил лишь Инны взоры,
 В меня палящие огнем.
 Она раскованно общалась,
 Внимала непритворно мне
 И заразительно смеялась,
 Со мной острила наравне.

27

Прошли часы. Мы распрощались.
 Я шел домой — и мне весь путь
 Мгновенья с Инной вспоминались.
 Я ночью той не мог уснуть —
 Все время вскакивал с постели,
 Взяв карандаш, терзал листы,
 Пока в сознании теплели
 Ее волшебные черты.
 В исканиях живого слова
 Для восхищенья красотой
 Писал, зачеркивал и снова
 Сводил я строки меж собой.

28

«Огни взорвались беспричинно,
 И их в моей груди не счесть.
 Здесь не ищи загадки, Инна,
 Ведь я соврал — причина есть.
 Не нужно рассуждать глубинно,
 Ища ответ на самом дне,
 Гадать не стоит долго, Инна,
 Зачем душа моя в огне.
 Я сам скажу тебе повинно,
 Одолевая бурный страх:
 В тебя влюблен я страстно, Инна!
 ...Я весь раскрыт в моих стихах».

29

«Ну как она тебе, Коровин?! —
 Трубил Вадим. — Ну как она?!»
 Я с ним не мог быть многословен
 И сухо выдал: «Недурна».
 Я передал ему творенья,
 Рожденные моей душой
 Под грохоты сердцебиенья —
 Душой, утратившей покой.
 Он прочитал и восхитился:
 «И вновь ты прав, момент настал.
 Пора признаться, что влюбился.
 Я долго чувства укрывал».

30

Я продолжал писать с сознанием
 Того, что Инна все прочтет
 И перечтет потом с вниманьем.
 И я надеялся, что ждет
 Она все новых откровений,
 Ведь только так я мог быть с ней —
 В минуты чутких вдохновений,
 В часы бессонницы моей.
 Я стал выдумывать предлоги,
 Чтоб вновь увидеться втроем,
 Был полон счастья и тревоги
 Я в том смятении моем.

31

И в те воздушные мгновенья,
 Когда я мог с ней говорить,
 Смотреть в глаза без опасенья
 У них догадки зародить,
 Мог мимолетно улыбнуться,
 Ее улыбку созерцать,
 К руке случайно прикоснуться,
 Тепло по имени позвать,
 Мог незаметно любоваться,
 Упорно подавляя пыл,
 И с сожаленьем попрощаться, —
 Я бесконечно счастлив был.

32

Но без нее я был разрушен!
 Потерян в горькой темноте.
 Убит!.. Сожжен!.. И обездушен!
 Развеян пеплом в пустоте.
 Печаль жестоко грудь давила,
 И сердце трескалось мое,
 И лишь Ее оно просило.
 Я задыхался без нее!
 И вот, когда душа стонала,
 А голос разума был тих,
 Когда бессонница достала,
 Я снова вспомнил Главный стих.

33

«Когда умрут мои надежды,
 И потемнеет все вокруг,
 Я распахну бесстрашно вежды
 И разорву печальный круг
 Душевных пыток и волнений.
 И страхи резко замолчат.
 Убью в себе без сожалений
 Того, кто в этом виноват.
 И ничего не ожидая...»
 И верно — ждать не стоит мне.
 Останусь, чувства запирая,
 С моей тоской наедине.

34

От мыслей голова шла кругом.
 Себя пытаюсь уберечь,
 Я перестал общаться с другом
 И сторонился наших встреч,
 Трудом фабричным прикрываясь.
 И не настаивал Вадим.
 Он, на меня не обижаясь,
 Был занят идолом своим
 (Ну и моим еще, конечно),
 Над ней кружил, за ней бежал.
 Успешно или безуспешно,
 Не знал и знать я не желал.

35

Искал я легких утешений
 Среди красивых дам других
 И плотских с ними наслаждений...
 Но хватит полнить этим стих.
 Хоть и большой я обожатель
 О страсти вдоволь поболтать,
 Скажу лишь главное, читатель,
 Что для себя я смог познать
 В той цепи дней однообразных:
 Не могут счастья дать сполна
 Мужчине много женщин разных,
 Но может Женщина! Одна!

36

В какой-то вечер возвращался
 Неспешным шагом я домой.
 Когда к воротам приближался,
 Услышал голос за спиной:
 «Роман!» Я резко обернулся,
 И по глазам ударил свет.
 Я еле видно улыбнулся
 И тихо произнес: «Привет».
 ...Терпенья я не воспитатель,
 И вовсе не плету интриг,
 Ведь ты, сметливый мой читатель,
 Кто это, догадался вмиг.

37

Да, то была, конечно, Инна!
 Мог неподвижно на нее
 Смотреть я бесконечно длинно,
 Дыханье задержав свое.
 Мной обожаемая Инна!
 Сияла в шаге от меня,
 Смотря в глаза мои невинно,
 Весь мир собою заслоня.
 Любимая, родная Инна!
 Моя и радость, и тоска.
 Вновь в жизнь мою ступила чинно,
 Как в стих конечная строка.

38

Я умилялся, созерцая
 Лица прекрасные черты.
 Шептала, голос содрогая,
 Она: «Я знаю, это ты...
 Ты!.. говорил со мной стихами...
 Ты!.. признавался мне в любви...
 Нарочно волновал речами,
 Чтоб впечатлить. Останови
 Меня ты, если ошибаюсь
 Я в ощущениях своих.
 Тогда с тобою попрощаюсь
 И не замыслю встреч таких».

39

Я отвечал ей осторожно:
 «Ведь он мой друг — и я не смел...
 Так на тебя смотрел тревожно...
 И так тревожно не смотрел...
 Тебя обгладывал я взглядом!
 Забыв о гордости своей,
 Пытался быть все чаще рядом,
 Ведь не встречал души родней...»
 ...И Инна пламенно вздохнула.
 Завыл я: «Не молчи... Молю!...»
 Она легко вперед шагнула,
 Шепнула: «Я тебя люблю».

40

«...Твоя Любовь меня обнимет,
 Взбурлив мою живую кровь,
 В свое тепло приятно примет,
 Во мне вскипит Твоя Любовь.
 ...Твоя Любовь меня согреет,
 Расплавит сердце мне, и вновь
 Моя душа уразумет,
 Как дорога Твоя Любовь.
 ...Твоя Любовь меня разбудит,
 Прошепчет нежно: «Приготовь
 Ты в сердце место мне», и будет
 В нем вечно жить Твоя Любовь».

41

Мы с Инной стали неразлучны!
 И время счастья началось.
 Но будут все стихи беззвучны,
 Пусть даже мне бы удалось
 Свести красиво, с вдохновеньем,
 С «любовью» «кровь», со «страстью» «сласть»,
 «Волненье» с «головокруженьем»
 И что-нибудь из книг украсть,
 О той поре любви, блаженства,
 Безумной тяги колдовства,
 Сердец влюбленных совершенства...
 Нет, я не подберу слова.

42

Прости, читатель, я не стану
 О друге много говорить.
 Не скрою — знал тогда, что рану
 Ему способен причинить
 Поступок мой неблагородный.
 Никто из нас не жаждал встреч.
 Пусть резок голос мой холодный,
 Но я желаю пренебречь
 Всей этой темой неприятной.
 Я сделал выбор в жизни той.
 И по причине нам понятной
 Освобожусь одной строфой.

43

Отец болел. Не поправлялся.
 Недуг крепчал день ото дня.
 Сердечный приступ повторялся.
 И вот отец позвал меня.
 «Похоже, сын, — шептал он сонно, —
 Мой пробил час. Нет больше сил.
 Болезнь дерет неугомонно,
 И я надежду отпустил
 И смерть без страха принимаю
 В заведомо пустой борьбе.
 Но рассказать сейчас желаю
 Я о Хранителе тебе».

44

«Об ангеле?» — «О человеке! —
 Отец промолвил мне в ответ. —
 Ведь память сбережет навеки
 Он обо мне... и он — поэт! —
 И улыбнулся. — Я вверяю
 Тебе историю мою,
 И вместе с жизнью оставляю,
 В твой ум и в руки отдаю.
 Твой брат и ты — вы сохраните
 Меня и мать в душе своей.
 Пока о нас вы говорите
 И помните — мы живы с ней».

45

Мы с ним полночи говорили.
 Он мне рассказывал о том,
 Как в юности его учили
 Ремонту обуви с трудом,
 О том, как с мамой повстречался,
 Женился, чуть в селе пожил
 И вскоре в город перебрался,
 Где сыновей двоих растил...
 Повествовал отец устало
 О непростой своей судьбе.
 ...А через день его не стало.
 Я жизнь его храню в себе.

46

Прошло два года... Я пытался
 Вести на фабрике дела,
 Но не по силам оказался
 Мне этот труд. А жизнь дала
 Мне выбор: либо стать известным
 На всю державу, либо слыть
 Посредственным поэтом местным.
 Не мог я дать душе остыть —
 И выгодное предложенье
 Издателя легко принял,
 Его благое настроенье
 Я с наслажденьем разделял.

47

Я продал фабрику и сразу
 В столицу переехал жить,
 Где раньше не бывал ни разу, —
 О том издатель стал просить,
 Скорее чтоб стихи строчились
 И чаще выходили в свет.
 Мы с Инной вскоре поженились,
 Оберегая наш обет
 Быть верными. Моей супруге
 Я все давал, что мог. Мы с ней
 Души не чаяли друг в друге,
 Черпая радость тихих дней.

48

Нежданно брат ко мне явился
 И гневно стал бранить меня
 За то, что так легко решился,
 Отца усердий не ценя,
 Расстаться с фабрикой, при этом
 Его согласия не спросив.
 «Пойми, я должен быть поэтом.
 Отец простил бы, будь он жив...»
 Но брат меня уже не слушал,
 А напоследок он сказал:
 «В одно мгновение ты разрушил
 Все, что он годы создавал».

49

Я стал работать: мучил строки.
 Чтоб вдохновение снискать,
 Бродил по городу. Мне в сроки
 Непросто было успевать.
 Про город напишу огромный,
 Хоть и о нем полно стихов.
 Оставь словарь свой многотомный,
 Здесь будет мало новых слов.
 Столица словно муравейник!
 ...Как рифму выбрать, не пойму.
 Репейник... швейник... О! — затейник!
 ...Хотя и он тут ни к чему.

50

Я слушал жадно, с удивленьем,
 Как говорил издатель мне,
 Что быть с таким стихосложением
 Мне популярней всех в стране.
 Пришла известность! Много писем
 От книголюбов получал,
 От их похвал я стал зависим
 И ни письма не пропускал.
 Я ими был богат духовно
 И жил с тщеславием в ладу.
 ...Одно из них почти дословно
 Я здесь, читатель, приведу.

51

«И снова здравствуй, мой писатель...
 Любимый, нежный мой поэт.
 Я вновь твой истинный читатель,
 Хоть и прошло немало лет.
 Прости за юную жестокость.
 Я все о жизни поняла.
 Меня изводит одинокость.
 С тобой лишь счастлива была,
 С тобой узнала о любви я.
 Лишь позови — и я приду.
 Я здесь.

Твоя Анастасия.
 Люблю. Надеюсь. Верю. Жду».

52

Анастасия — имя это
 Подобно сказочной мечте.
 С ним всем волнениям поэта
 Не уместиться на листе.
 С ним хочется рыдать, смеяться,
 Бежать, укрыться с головой,
 В безумной страсти потеряться,
 Отдаться тяге неземной.
 Анастасия — и услада,
 И дрожь в коленях, и полет,
 И райский свет, и пропасть ада —
 Вновь сердце мне на части рвет.

53

И я поддался... Наши встречи,
 Как раньше, наполняли смех,
 Молчанье, пламенные речи...
 Ну а теперь еще и грех.
 Но вскоре всплыло ощущение,
 Что я пресыщен ею стал,
 И появилось сожаленье,
 Что страсть в себе не удержал.
 Хотя не страсть, а ностальгию:
 Хотелось боль былую снять.
 Я не любил Анастасию.
 И не желал все повторять.

54

Анастасия — имя это
Уже не зажигает свет
В душе уставшего поэта,
О нем не хочет петь поэт.
Я все сказал и с ней расстался.
Истерика. Рыданье. Крик.
«Я отомщу!» Я испугался —
В мгновенье в сердце страх проник,
Что Инне все она откроет
О наших тайных вечерах,
Чем, мягко говоря, расстроит.
...И оправдался этот страх.

55

В душе у Инны потрясенье!
Удар был для нее велик.
Обида. Боль. Недоуменье.
Истерика. Рыданье. Крик.
Из дома выбежала с воем.
Я следом выскочил за ней,
Объятый нестерпимым зноем,
Стремясь упасть к ногам скорей,
Не зная как, но оправдаться.
...И я схватил ее ладонь.
Она вдруг стала вырываться.
В ее глазах горел... пожар!

56

Я умолял, чтоб в дом вернулась.
Рвалась, не слушала она.
И все же вырвалась. Качнулась.
Упала... Дальше тишина.
Я подскочил, схватил за плечи,
Кричал, просил, скулил, рыдал,
Остались без ответа речи,
Но я ее не отпускал.
Глаза померкли. Нет дыханья.
Из головы струилась кровь.
...Меня крушат воспоминанья,
Как умерла Моя Любовь.

57

Тоска и боль меня терзали.
 Душила горечь, скорбь драла.
 Я жил закопанный в печали...
 Но жил!.. а Инна умерла.
 «Когда сгорят мои надежды,
 И почернеет мир вокруг,
 Я распахну устало вежды
 И огляжу проклятый круг
 Душевных пыток и мучений.
 Но страхи больше не молчат!
 Убью...

Себя!..

Без сожалений...»

Во всем лишь я был виноват.

58

И с жизнью я решил расстаться —
 Путь к облегчению моему.
 Ведь в бренном мире оставаться
 Мне стало больше ни к чему,
 В нем безнадежно заблудился.
 Желал, чтоб вздох последний мой
 Был там, где я на свет родился, —
 И я вернулся в дом родной.
 Где, как не здесь, искать покоя
 Душе истерзанной моей!
 Где, как не здесь, уйду легко я —
 И буду снова рядом с ней!

59

Но кто моей судьбы Хранитель?
 Моей истории судья?
 И адвокат, и обвинитель?
 Кого волнует жизнь моя,
 Что стала мне невыносимой?
 Друзьями я был не богат.
 Отца не стало, нет любимой...
 Но у меня был старший брат!
 Боялся я, что он рассержен
 Остался на меня с тех пор,
 И ждал, что стану им отвержен
 И не налажу разговор.

60

Прокравшись тихо к дому брата,
 Я наблюдал за ним в окно.
 Смотреть тайком — моя расплата,
 Изгоем быть мне суждено
 За то, что был так равнодушен
 К его словам, к мечтам отца.
 Мой мир без близких был разрушен,
 А я разрушил их сердца.
 В дверь постучаться не решился —
 Ушел... и уносил с собой
 То, чем ни с кем не поделился
 Поэт с отравленной душой.

61

Как говорят, необходимо
 Любой день жизни проживать
 Так, будто он неумолимо
 Вдруг стал последним. И не ждать.
 Вот только мало кто делился,
 Как день предсмертный он прожил.
 С ненужным миром я простился
 В прогулке в сквере, что дарил
 Мне раньше бездну вдохновений.
 Ну а теперь — он стал чужой.
 Под гнетом горьких сожалений
 Устало я побрел домой.

62

В устах мой шепот содрогался:
 «Прости! Я так тебя люблю».
 Я вытер слезы и забрался
 На табурет — и влез в петлю.
 Казался мертвым мир оттуда.
 Казалась сдавленной печаль,
 Как будто легкая простуда.
 Оттуда ничего не жаль.
 Я оставлял на этом свете
 Лишь стол исписанных бумаг,
 За них я больше не в ответе,
 Ведь мне остался только шаг.

63

В тот миг об Анне мысль явилась!..
 Я расскажу сейчас о том,
 За что она со смертью билась
 (Хоть лично не был с ней знаком).
 Она росла в семье богатой,
 Но вот — влюбилась... в бедняка.
 Воспользуюсь простой цитатой
 Ее чудного языка:
 «Он — мой, а я — его навечно!
 Не мыслю без него и дня!
 Я с ним! К нему! За ним беспечно!
 Нет без него теперь меня!»

64

Родители ее ругали:
 «Он нам не ровня! Нищий он!»
 И даже в доме запирали
 Под громкий плач и гулкий стон,
 Чтоб с ним плутовка не встречалась,
 А детская любовь пройдет.
 Но Анна долго не держалась —
 Ведь все горит! Ведь сердце жмет! —
 И вот сбежала! Ждет любимый!
 Пусть работяга сельский, пусть!
 Зато родной, неповторимый!
 Тот, с кем навек исчезнет грусть!

65

Он ждал, надеялся, молился,
 Уже хотел ее украсть!
 Пришла! И весь в ней растворился:
 Любовь, забвенье, нежность, страсть.
 И стали жить, любя друг друга.
 Держались вместе, берегли.
 С деньгами долго было туго,
 Но этот путь они прошли.
 Муж Анны сделал состоянье,
 Благодаря труду, уму,
 Она сдержала обещанье —
 И сына родила ему.

66

Когда пришла пора второго
Рожать ребенка, доктора
Хватились: «Анна нездорова
И не дотянет до утра!
Но и спасти ее возможно —
Лишь не являть дитя на свет —
И это вовсе не безбожно...»
Но Анна прокричала: «Нет!»
О ней мне ведали ревниво,
Но главное, со слов отца,
Она меня нетерпеливо
Ждала, любила до конца.

67

Не для того она рожала!
Не для того меня спасла
И жизнь свою взамен отдала!
Не для того оберегла,
Чтоб этот дар ее бесценный
Я задушил теперь в петле!
Чтоб шаг мой слабый и презренный
Меня зарыл в сырой земле!
«Нет!» — Анна твердо завопила —
На страхи все ее ответ.
Хранится в этом слове сила.
Пред ликом зла есть средство — «Нет!»

68

Мне нужно жить во имя слова —
Писать стихи! Жить ради тех,
Из-за кого душа готова
Расстаться с телом и во грех.
Мне нужно с братом помириться!
И фабрику назад вернуть!
Мне нужно жить! Мне нужно биться!
Искать свою судьбу, свой путь!
Прошла лишь жизни половина.
И сердце теплится мое.
...Вдруг в комнату вошел мужчина,
Держа в одной руке ружье.

69

«Ну здравствуй, друг мой загадочный! —
То был Вадим. — Для наших мест
Ты гость почетный, необычный!
Любитель красть чужих невест! —
Но это что! — Теперь — писатель!
Прославленный большой поэт!..
К тому причастен твой издатель,
Его стараньем ты воспет!
А ты — бездарен! Эта слава
Вслед за тобою вмиг умрет!
То — не стихи, то — так... забава.
Ты лишь обычный рифмоплет».

70

«Вадим!..» — «Молчи!.. С меня довольно
Твоих пустых, никчемных слов!
Ты сделал другу очень больно!
К такому я был не готов.
Ты знаешь, почему так случилось,
Что «загадочными» зовут
Друзей?.. Ведь издавна считалось,
За кадыком... вот прямо тут... —
Мне в горло он ружье направил, —
Живет душа!.. Но ты привык
Жить без нее... И всех заставил!..»
Вадим мне выстрелил в кадык.

71

Я мог бы быть другим поэтом,
Мог делать лучше жизнь других,
Я мог бы рассказать об этом
В родящихся стихах моих,
Прочтя которые, читатель
В душе поэтом тоже б стал,
Не как сторонний наблюдатель,
А словно он их и писал,
Писал в себе те ощущения,
Что отдавал ему поэт.
Я б нес ему шквал вдохновенья!
Я мог бы с ним пойти!..

Но нет...

И это все... Прости, читатель,
В начале я внушил тебе,
Что я герой, а не предатель.
Ты знаешь о моей судьбе.
А значит, ты и есть Хранитель!
Моей истории судья.
И адвокат, и обвинитель.
Вся жизнь на память... Умер я.
И умерли мои надежды,
И потемнело все вокруг.
Смогу ли распахнуть я вежды?..
Ты знаешь дальше, добрый друг.

Поэма «Хранитель» впервые опубликована в авторском альбоме «Бессонница толкователя снов».

Выходные сведения оригинального издания «Бессонница толкователя снов»:

ISBN 978-5-9904862-3-2

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2=411.2)64-44

Кара, А.

К21 Бессонница толкователя снов / Антон Кара : — Ставрополь : — «Мелексетов», — 2014. — 140 с.

Возрастное ограничение: 18+.

© А.Кара, 2014

© «Мелексетов», 2014

Антон Кара

www.a-kara.ru

www.vk.com/albumkara

www.instagram.com/albumkara

albumkara@yandex.ru